

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-1-125-137>

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВИДЕНИЙ АННЫ ШМИДТ И ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА: СОФИЙНАЯ ОДАРЁННОСТЬ ИЛИ «ЕРУНДОСЛОВИЕ СТАРУХИ»

Н. Х. Орлова

Зеленогурский университет, Польша
nadinor@mail.ru

**Исследование выполнено в рамках
международного исследовательского гранта
Народного Центра Науки Польши (Narodowe Centrum Nauki Polska)
№ УМО 2017/25/V/HS1/00530**

Статья посвящена Анне Николаевне Шмидт (1851–1905) – одарённой предстательнице русской философии Серебряного века. Её имя встречается в письмах и воспоминаниях многих философов и поэтов того времени. Среди них имена Сергея Николаевича Булгакова, Павла Флоренского, Андрея Белого, Александра Блока, Максима Горького, Юлии Данзас, Николая Бердяева, Владимира Соловьёва и других. С именем последнего у Анны Шмидт были связаны несколько мистических совпадений: они были почти ровесниками; почти в одно время каждый из них пережил опыт глубоких духовных потрясений; каждому из них явились видения, совершившие переворот в их мировоззрении. Это были встречи с идеальными образами Христа и Софии. Свои переживания мистического визионерского опыта каждый из них воплотил в философских сочинениях. Анна Николаевна Шмидт в 1885–1886 гг. написала мистическое сочинение «Третий Завет». В нём, как считала писательница, она чудесным образом совпала с героиней софианских прозрений Соловьёва. Идеи Анны Шмидт и её истовая вера в то, что именно в ней воплощается София Премудрость Божия, а в фигуре Соловьёва воплотился вновь Христос, вызвали недоумение у современников. Хотя время было плотно насыщено увлечениями мистикой и теософией, даже на этом фоне «Третий Завет» Анны Шмидт был пугающе неординарен. В статье приводятся примеры восприятия фигуры писательницы её современниками. Все они соглашались с тем, что она чрезвычайно одарённая и глубоко духовная личность. В тоже время они признавались, что общение с ней вызвало противоречивые чувства. Даже небольшой обзор «реплик» об Анне Шмидт убеждает в том, что она была весьма талантлива, самобытна и обладала огромной энергией веры в миссионерское призвание своё и Вл. Соловьёва. Такие люди воспринимаются скорее как юродивые; величием духа и скромностью образа жизни они часто тревожат, раздражают. В такой тональности об Анне Шмидт вспоминали, например, писатель Андрей Белый, племянник Вл. Соловьёва – С. М. Соловьёв, философ Юлия Данзас. Иначе о ней и её сочинениях отозвались философы Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Николай Бердяев. В статье показано, что в восприятии мыслителей Серебряного века имена Анны Шмидт и Владимира

Соловьёва были связаны. Вместе с тем, пережитый ими независимо друг от друга опыт религиозных видений вызывал полярные реакции. Видения Вл. Соловьёва воспринимались как гениальные прозрения. Визионерские переживания Анны Шмидт маркировались как бред.

Ключевые слова: Анна Николаевна Шмидт, Владимир Соловьёв, Серебряный век, мистическая философия, мистические видения, «Третий Завет».

THE INTERSECTION OF VISIONS OF ANNA SCHMIDT AND VLADIMIR SOLOVYOV: SOPHIA GIFTEDNESS OR «OLD WOMAN'S NONSENSE»

Nadezhda Orlova

University of Zielona Góra, Poland
nadinor@mail.ru

The article is dedicated to Anna Nickolaevna Schmidt (1851–1905) – a gifted representative of Russian philosophy of the Silver age. Her name appears in the letters and memoirs of many philosophers and poets of that time. Among them are Sergei Bulgakov, Pavel Florensky, Andrey Bely, Alexander Blok, Maxim Gorky, Yulia Danzas, Nikolai Berdyaev, Vladimir Solovyov and others. Anna Schmidt had several mystical coincidences connected with Vladimir Solovyov. They were almost the same age. Almost at the same time, each of them experienced deep spiritual upheavals. Each of them had visions that made a revolution in their worldviews: these were meetings with ideal images of Christ and Sophia. Each of them embodied their mystical visionary experience in their philosophical writings. Anna Nikolaevna Schmidt wrote a mystical work “The Third Testament” in 1885–1886. As the writer believed, in this book her thoughts miraculously coincided with the Sophian insights of Solovyov. The ideas of Anna Schmidt and her fervent belief that it was in her that Sophia the Wisdom of God was incarnated, and Christ incarnated in Solovyov, caused confusion among contemporaries. Although the time was densely filled with mysticism and theosophy, Anna Schmidt’s “The Third Testament” was frighteningly unusual. The article provides the examples of the perception of the writer’s figure by her contemporaries. They all agreed that she was extraordinary gifted and deeply spiritual person. At the same time, they admitted that communicating with her caused conflicting feelings. Even a small review of “remarks” about Anna Schmidt shows that she was very talented, original and had a great energy of faith in her and Solovyov’s missionary vocation. Such people are perceived more as wacky persons; the greatness of the spirit and modesty of the way of life often disturb, irritate other people. In this tone, Anna Schmidt was remembered, for example, by the writer Andrey Bely, by the nephew of V. Solovyov – S. M. Solovyov, and by the philosopher Yulia Danzas. But philosophers Sergei Bulgakov, Pavel Florensky and Nikolai Berdyaev spoke differently about her and her writings. The article shows that the names of Anna Schmidt and Vladimir Solovyov were connected in the perception of the Silver age thinkers. Nevertheless, the religious visions they experienced caused polar reactions. V. Solovyov’s visions were perceived as brilliant insights, and Anna Schmidt’s visionary experiences were labeled as delusions.

Keywords: Anna Nikolaevna Schmidt, Vladimir Solovyov, the Silver age, mystical philosophy, mystical visions, “The Third Testament”.

Об Анне Николаевне Шмидт (1851–1905) мы расскажем словами её современников. Во-первых, потому, что их воспоминания о ней, их восприятие её текстов и особенностей личности являются наиболее достоверными. Во-вторых, уже сами имена этих современников, вошедших в круг жизни и памяти Анны Шмидт, говорят нам о том, что она была персоной необыкновенной.

Она родилась, как указано в «Кратком словаре писателей-нижегородцев», 13 июля 1851 года [Чешихин 1915, 48]¹ в Нижнем Новгороде и в этом городе провела большую часть своей жизни. О её отце встречаются противоречивые и не очень лестные сведения. По одним сведениям, он получил юридическое образование и служил судебным следователем. По другим, он служил коллежским секретарём, был однажды (когда служил в Варшаве) уличён в должностном преступлении, за что был разжалован и сослан в Астрахань. Жена и дочь, жившие в это время в Нижнем Новгороде, вынуждены были последовать за ним и, видимо, провели там несколько лет.

Мать Анны Николаевны – Анна Фёдоровна Шмидт (в девичестве Романова) – происходила из семьи титулярного советника. По некоторым воспоминаниям, Анна Фёдоровна «была хорошая музыкантша. Очень хорошо играла в любительских спектаклях. Была красива. Её все боготворили. Была из очень старинной дворянской семьи. Её сестра была, кажется, фрейлиной у Императрицы Марии» [Булгаков, Флоренский 1995, 709]. Анна Шмидт была единственным ребёнком в семье и воспитывалась своей матерью в строгом старозаветном духе.

Иногда приводятся сведения о другой дате рождения Анны Шмидт – 1853 год. Никакими известными нам документами это не подтверждено, однако интересно, что если бы всё же последняя дата была верна, то тогда год рождения Анны Николаевны совпадал с годом рождения философа Владимира Сергеевича Соловьёва (1853–1900). Это добавляет в историю их отношений ещё больше мистических совпадений. Именно эти мистические пересечения с Вл. Соловьёвым привлекли особое внимание современников к Анне Шмидт и её сочинениям.

Об образовании Анны Николаевны Шмидт часто пишут как о несистематическом. Но, по-видимому, под этим понимается отсутствие указаний на учёбу в школах, гимназиях, институтах. Анна Шмидт действительно не получала образования в таких заведениях. Однако известно, что у неё были хорошие домашние учителя, которые, видимо, дали ей весьма серьёзное образование. По всей вероятности, она была весьма образованным человеком, хорошо владела литературной речью и письмом, знала иностранные языки и вообще обладала выдающимися способностями к глубокой мыс-

¹ Заметим, что годом смерти Анны Шмидт в этом справочнике назван 1904, что не совпадает с датой, приведенной в «Нижегородском Листке» (№ 63 от 8 марта 1905 г.), где указано, что «она скончалась от воспаления мозга 7 марта 1905 года».

лительной деятельности и высокой духовной жизни. Известно, что она экстерном сдала экзамен с отличием на звание учительницы французского языка и три года преподавала в Мариинской женской гимназии (1873–1876). Доподлинно неизвестно, по настоянию ли матери или же вследствие проблем со здоровьем она оставила службу в гимназии; разные источники указывают обе эти причины. Впоследствии, когда по окончании ссылки отца они вернулись в Нижний Новгород, с 1894 года и до самой смерти Анна Николаевна работала журналисткой в местных газетах «Волгарь» и «Нижегородский листок», а также занималась переводами, которые тоже публиковались. Это и были основные источники её доходов на жизнь. А между этими журналистскими делами она продолжала развивать и проповедовать свои идеи, искать единомышленников среди русских философов, богословов, писателей.

Редакция «Нижегородского листка». Фото: М. Дмитриев, 1899.

В центре – Максим Горький. Слева на переднем плане – А. Н. Шмидт.

Источник: http://ngounb.ru/?page_id=3473.

Несколько лет одним из её коллег по репортёрскому цеху в редакции «Нижегородского листка» был Максим Горький (1868–1936). Молодой Горький был хорошо знаком с Анной Шмидт и оставил о ней некоторые воспоминания. Горького упрекают за то, что в его воспоминаниях она описывается в насмешливой тональности. Однако, скорее всего, в нём говорил писатель, который стремился зафиксировать в образе Анны Шмидт парадоксальное несовпадение внутренней духовной глубины и богатства личности с внешним физическим почти уродством. О ней часто вспоминали как о человеке предельно непритязательном в своих житейских потребностях, который питался весьма скромно и одевался бедно. В некоторых описаниях

можно встретить упоминание, что одежда её была не только бедная, но в заплатках, без намёка на попытку подчеркнуть женскую привлекательность. В своём очерке «А. Н. Шмит» Горький вспоминает:

«Многочисленные юбки Анны Шмит сильно потрёпаны, ботинки в заплатках, кофточки простираны до дыр и неуклюже заштопаны. <...> Она – маленькая, мягкая, тихая, на её лице, сильно измятом старостью, светло и ласково улыбаются сапфировые глазки, забавно вздрагивает остренький птичий нос. Руки у неё тёмные, точно утиные лапы, в тонких пальцах всегда нервно шевелится небольшой карандаш, – шестой палец. Она – зябкая, зимою надевает три и четыре шерстяных юбки, кутается в две шали, это придаёт её фигурке шарообразную форму кочана капусты. Прибежав в редакцию, она где-нибудь в уголке спускает две-три юбки, показывая до колен ноги в толстых чулках крестьянской шерсти, сбрасывает шали и, пригладив волосы, садится за длинный стол, среди большой комнаты, усеянной рваной бумагой и старыми газетами, пропитанной жирным запахом типографской краски» [Горький 1973, 45–46].

Горький, однако, подчёркивал, что у Анны Шмидт был выдающийся репортёрский дар, благодаря которому она умудрялась добраться до новостей, весьма закрытых для большинства. В городе её хорошо знали даже извозчики, уж слишком она была неординарна; считали её полоумной, блаженной. Но посмеивались над ней скорее покровительственно, по-доброму и старались помочь. «Шмитиха бежит скандалы искать», – так подшучивали, когда видели её неумоимо бегающей по городским учреждениям и собирающей «хронику». Горький упоминает о том, что «однажды она уговорила сторожа запереть её в шкаф и, сидя там, записала беседу земцев-консерваторов, – подвиг бескорыстный, ибо сведения, добытые ею, не могли быть напечатаны по условиям цензуры» [Горький 1973, 45].

Очевидно, что репортёрская деятельность была важна для Анны Шмидт как источник заработка. Но можно предположить, что она также давала ей возможность контактов с большим числом людей. И в этом смысле она могла выступать как проповедница своих идей. Горький пишет, что узнал от одного из нижегородских священников, что Анна Шмидт организовала религиозный кружок, в котором проповедует своё «ерундословие старухи» [Горький 1973, 48]. К этому времени уже написан был «Третий Завет» [см.: Шмидт 1993] и уже было известно о переписке Анны Николаевны с Владимиром Соловьёвым. И, видимо, на заседаниях кружка она много говорила о нём, «о Христе, живущем в Москве, на Арбате» [Горький 1973, 49]. Как-то, в один из церковных праздников, Анна Шмидт пришла к Горькому в гости. Беседа была долгой, но в ней открылся писателю совсем другой человек:

«А к полуночи я узнал, что старенькая, забавная репортёрша провинциальной газеты, Анна Шмит – воплощение одной из жён-Мироносиц, кажется – Марии Магдалины, которая, в свою очередь, была воплощением Софии, Вечной Премудрости. <...> Я узнал, что Христос это – Владимир Соловьёв, он же – Логос; Христос непрерывно воплощается в того или иного человека и вечно среди людей <...>. Она именвала Соловьёва хрустальным сосудом Логоса, святым Граалем, величайшим сыном века и – ребёнком, который, плутова в тёмной

чаще греха, порою забывает невесту, сестру и мать свою – Софию, Предвечную Мудрость. <...> постепенно всё будничное и смешное в этом человеке исчезло, стало невидимо, и я хорошо помню радостное и гордое удивление, с которым наблюдал, как из-под внешней серенькой оболочки возникают, выбиваются огни мышления о зле жизни, о противоречии плоти и духа, как уверенно и твёрдо звучат древние слова искателей совершенной мудрости, непоколебимой истины» [Горький 1973, 51–52].

Однако близкой дружбы между ними после этой встречи не последовало. Они так и остались только коллегами по журналистскому цеху. А вскоре Горький заболел туберкулёзом и в начале 1897 года уехал в Крым. Больше он уже никогда не встречался с «Нижегородским воплощением Софии Премудрости» [Горький 1973, 57].

Следует уточнить, что первый, кому Анна Николаевна доверила свой текст, был отец Иоанн Кронштадтский. В 1888 году она послала ему свою рукопись «Третьего Завета», сохраняя анонимность: «Вручаю себя Вашему пастырскому разуму и да поможет Вам благодать Господня понять меня. Христос да будет с Вами! Имени моего не доискивайтесь, но, если бы оно открылось нечаянно, я не отрекусь от себя». Откровения описывались от третьего лица. Якобы они сообщились ей двумя способами: «1) посредством внутреннего голоса, несомненно для неё говорившего в ней помимо её самой, произвольно, и иногда столь странные и новые для неё вещи, что она не могла сразу понять их, 2) посредством явлений внешней жизни, всего, что она видела и слышала вокруг себя и что таинственно, подобно притчам, имело прямую связь с внушениями внутреннего голоса» [Шмидт 1916, 240–244]. У нас нет сведений о том, отозвался ли Иоанн Кронштадтский на посланный ему текст, и если да, то каков был его отзыв. Возможно, отсутствие сведений об этом есть знак того, что никакого отзыва не было.

Позже она вступила в переписку с Вл. Соловьёвым и доверила ему свою рукопись. Сохранились обрывки из нескольких писем Анны Шмидт к философу, а также несколько его писем к ней. Тональность переписки, их единственная встреча, да и вся история отношений неоднозначно трактовалась как её свидетелями, так и современными нам историками [Аккерман 2005; Козырев 2000]. Надо сказать, что родственники Вл. Соловьёва относились неприязненно к этой «бедной нижегородской репортёрше» [Соловьёв 1997, 372]. Так о ней вспоминает племянник философа – Сергей Михайлович Соловьёв (1885–1942), богослов, публицист и поэт из круга символистов. Он пишет о том, что философ был «неприятно поражён и встревожен» тем, что «бедная женщина воображала себя “ангелом церкви”, а Соловьёва считала новым воплощением Христа, своим “возлюбленным женихом”» [Соловьёв 1997, 373]. Племянник был уверен, что Вл. Соловьёв только из жалости успокаивал Анну Николаевну общими фразами, которые были «очень кратки, очень внешни и благожелательно холодны». На всё семейство Соловьёвых Анна Шмидт производила впечатление «помешанной женщины», в которой отталивала «сектантская самоуверенность и назойливость». И всё же за ней признавали то, что в её текстах открывалась необыкновенная сила, самостоятельность и оригинальность её ума.

В большинстве воспоминаний о ней подчёркивается, что Анна Николаевна Шмидт была фигурой весьма экстравагантной и по первому восприятию отталкивающей. Впрочем, это было время Серебряного века, который, как известно, изобиловал персонами неординарными, парадоксальными, неоднозначными. В моде были мистики, оккультисты и экстрасенсы. Андрей Белый описал это время как «максимум символической мысли»:

«созрел интерес к философии Вл. Соловьёва; А. Шмидт развивала идеи парадоксальнейшего “Завета”; Д. С. Мережковский и Розанов переживали расцвет своих мыслей; Бердяев звал к личности, “Проблемы идеализма” – готовились; действовали: московский и петербургский религиозный кружки; революционеры-студенты (впоследствии деятели) – Флоренский, Свентицкий и Эрн – задумывались над религией; а Иванов, от всех отделённый, писал за границей исследование “Религия страдающего божества”. <...> Но встречи грядущие зрели в наполненной романтическим ожиданием атмосфере зари; и рождалось течение, впоследствии названное литературною школою русского символизма» [Белый 1990, 140–144].

Как видим, имя Анны Шмидт встроено в символический круг Серебряного века: её идеи были известны и, по-видимому, распространились ещё до публикаций. И самое яркое тому подтверждение – тот факт, что её имя упоминается в переписке таких поэтов и философов, как Владимир Соловьёв, Андрей Белый (1880–1934), Александр Блок (1880–1921), Павел Флоренский (1882–1937), Сергей Булгаков (1871–1944), Николай Бердяев (1874–1948). Все они, кроме Вл. Соловьёва, были значительно моложе Анны Шмидт. Некоторые из них были, что называется, «ровесниками» её «Третьего Завета», который она написала в 1885–1886 годах.

По-разному каждый из них отзывался на сложную неоднозначность личности Анны Шмидт и на её идеи. В воспоминаниях Андрея Белого о ней написано почти с презрением: «хроникёрша», которой зачем-то понадобилось написать «свой туманный, витиеватый “Дневник” и полубредовое теософически-схоластическое сочинение “Третий Завет”». Вокруг «брёда А. Шмидт» создалась «секта, подобная, скажем, хлыстам, – “соловьёвцев”». А. Белый раздражался тем, что эта Шмидт – «гадкий плод» и «бред двуногий», который бредит темой «“Софии” как церкви-невесты, души мировой». За ней в этом бреду следует и Блок, который выдумал тему статьи для «сумасшедшей А. Шмидт, будто ею написанной в “Новом пути”, где сотрудничала эта странная дама». А. Белый имел в виду так называемую «разрешённую шуточную программу» одного из предполагаемых номеров журнала «Новый путь», в которой имя А. Шмидт фигурирует рядом со статьёй «Несколько слов о моей канонизации». Может, и была она «сумасшедшей», как без конца поругивал её А. Белый, но, видимо, вполне вписывалась в тот авторский коллектив, которому журнал должен был «дать возможность выругаться», дабы предоставить слово «всем живым течениям современной литературы, начиная от декадентства и кончая декадентством» [Блок 1905]. Найти указанный за Анной Шмидт текст в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни» нам не удалось. Что касается упомянутого сотрудниче-

ства в «Новом пути», то, видимо, к нему можно отнести очерк «О будущности» под псевдонимом «А. Тимшевский», опубликованный в июньском номере 1904 года [Тимшевский 1904]. Г. Чулков² вспоминал, что статья была помещена в отделе «Из частной переписки» в сокращённой версии по настоянию Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Позже, в книге, которую подготовили Булгаков с Флоренским, она была опубликована по оригинальной рукописи. В своём комментарии к письму А. Блока Георгий Иванович Чулков вспоминает: «Я встречался с А. Н. Шмидт в 1903 году в Нижнем Новгороде, и тогда же она познакомила меня со своим трактатом “Третий завет” и с дневником, который напечатан был в 1916 году с некоторыми купюрами» [Блок 1904 б].

За Александром Александровичем Блоком признавали, что он первый уловил «задания» лирики Вл. Соловьёва, первый проник в глубины её философского содержания. В этом смысле сектантское «соловьёвство» Блока перекликается с темами «Третьего Завета» и «Исповеди» Анны Николаевны Шмидт, которая полагала себя воплощением той Софии, которая в видениях явилась Соловьёву. Известно, что у Анны Шмидт и Александра Блока состоялась личная встреча: она приезжала в Шахматово 12–13 мая 1904 года. Любовь Дмитриевна Блок, присутствовавшая при беседе Блока и Шмидт, отозвалась о визитёрше без пиетета: «Блок больше отмалчивался. Это было единственное свидание их. Очевидно, поведение Блока сразу показало А. Н. Шмидт, что из её попытки завязать с ним сношения ничего не выйдет. Блок не признал её “душою мира” и не заинтересовался ни её личностью, ни её теориями» [Бекетова 1927, 326]. Ну, а Блок об этой встрече написал Андрею Белому 16 мая в несколько иной тональности: «К нам приезжала А. Н. Шмидт. Впечатление оставила смутное, во всяком случае, хорошее – крайней искренности и ясности ума, лишённого всякой “инфернальности” – дурной и хорошей. Говорила много тонких вещей, которые мне только понятно» [Блок 1904 а]. Позже, в своих воспоминаниях о Блоке, Андрей Белый вдруг вполне мирно, без прежнего презрения, напишет о личной встрече с Анной Шмидт: «Помню: явление покойной Анны Николаевны Шмидт из Нижнего Новгорода осенью 1901 года; она познакомила М. С. Соловьёва с кругом идей, выраженным в “Третьем Завете” и “Исповеди”; я познакомился с ней и мы обменялись письмами» [Белый 2019, 17]³.

Одна из заметных представительниц русской религиозной философии Юлия Николаевна Данзас (1879–1942), которая в основном публиковалась под псевдонимом Юрий Николаев, упрекая русскую религиозную философию в «неогностицизме» [Danzas 1936, 658; Данзас 1998, 122–123], не оставила без критического внимания и имя Анны Шмидт. Критикуя Вл. Соловьёва, Юлия Данзас считала, что его учение о Софии было «не вполне очищенным», что он «допустил большую муть в своих софианских настроениях»

² Георгий Иванович Чулков (1879–1939) – организатор литературной жизни времён «серебряного века», создатель «теории мистического анархизма». Также выступал как поэт, прозаик, переводчик и литературный критик.

³ В архиве Андрея Белого сохранились два письма А. Н. Шмидт к нему (РГБ, ф. 25, карт. 25, ед. хр. 37).

и что «культ вечной женственности» был несвободен от черт «женской прелести». Данзас пишет, что именно «трагическая» встреча Вл. Соловьёва с «гениально одарённой мистичкой» Анной Шмидт свидетельствует о «большом неблагополучии соловьёвских софианских настроений». Юлия Данзас уверена, что Соловьёв не смог преодолеть в себе разочарование от физически «непривлекательного, некрасивого образа» Анны Шмидт – «самой замечательной женщины, какую ему пришлось в жизни встретить». И вместе с тем Данзас не отказывает себе в несколько высокомерной усмешке и уточняет, что со своей стороны более склонна видеть в Шмидт «несчастную дамочку», которая «дала волю своим смутно-гностическим фантазиям, в которых Соловьёв предстаёт как Параклит или Небесный Человек, жених Церкви или Софии, воплотившейся в г-же Шмидт». И добавляет уж совсем как-то в тональности досужих сплетен: «Соловьёву с трудом удалось избавиться от слишком экзальтированной поклонницы, с которой он познакомился сначала по переписке; после первой встречи с ней он говорил со смехом, что для того, чтобы играть роль Небесной Супруги, бедная женщина не обладает соответствующей внешностью» [Данзас 1998, 128].

А. Н. Шмидт. Источник: <https://zazeradio.com/culture/nizhegorodskaya-sivilla-anna-shmidt/>.

Совсем иначе отнёсся к мистическому пересечению имён Анны Шмидт и Вл. Соловьёва русский философ и богослов Сергей Николаевич Булгаков. Он писал, что своей поэзией Соловьёв «рассеивал какую-то энергию, и его призывы могли быть слышны софийно одарёнными натурами» [Булгаков 1996, 54]. Видимо, А. Н. Шмидт обладала таким софийным даром и прозрела на зов из видений Соловьёва; она посчитала его обращённым именно к ней. В себе она открыла то самое женское alter ego философа, которого он

ждал и искал. В её дневнике есть такая запись: «Я любила стоять за обедней впереди, как можно ближе к выносимой Чаше. Я не крестилась и не кланялась, когда её выносили, чтоб не потерять секунды созерцания её. Я вся превращалась в зрение и смотрела на Чашу, без дум (*вариант*: мысли), чувствуя только, что передо мной тело и кровь Христа» [Шмидт 1916, 245–246]. Булгаков вспоминает, что в начале 1900 годов ему стало известно о переписке между Анной Шмидт и Вл. Соловьёвым, и он обратился к ней с просьбой поделиться с читателями «Нового пути» этими письмами. В ответ Анна Николаевна прислала Булгакову копии лишь двух писем, написав, что все остальные могут быть доступны только после её смерти. Позже, когда С. Булгакову стали доступны и копии остальных писем, то он увидел, что их тон и содержание свидетельствуют «об исключительной важности этой переписки для Соловьёва, как и вообще этой встречи, происшедшей почти накануне его смерти» [Булгаков 1996, 57]. Парадоксально то, что Анна Шмидт не была знакома с учением Соловьёва, когда творила свой «Третий Завет».

Павел Флоренский был из той же генерации философствующей молодёжи Серебряного века. Странную, «таинственную фигуру А. Н. Шмидт» он, безусловно, должен был заметить. Её имя Флоренский упоминает в лестном для неё контексте в связи с учениями о Троице и Софии в примечаниях к работе «Столп и утверждение Истины» [Флоренский 1914, 805]. Позже он напишет о ней очерк «По поводу “Сочинений” А. Н. Шмидт» [Флоренский 1995]. Но что важнее всего, вместе с Сергием Булгаковым они разобрали архив писательницы, который сохранился в редакции «Нижегородского листка» и попал в руки Булгакова. Как вспоминает А. Белый, «метранпаж передал А. П. Мельникову эти “перлы”; не зная, что делать с таким “наследством”, он прислал Э. К. Метнеру ворох её бумаг; тот принёс его мне; мы, не зная, куда девать это всё, передали Морозовой; последняя – Булгакову; он и напечатал “бред” Шмидт» [Белый 1990, 145].

Книгу «брёда» Анны Шмидт С. Булгаков и П. Флоренский издали за свой счёт, полагая, что в то время, когда Достоевского ещё только «начинал охватывать апокалиптический трепет», а Вл. Соловьёв ещё «не приближался к эсхатологическим темам, нижегородская Сивилла заносила на бумагу свои загадочные видения и прозрения в “Будущность”, по-своему разгадывая тайну России» [Булгаков 1996, 56–57]. Под заглавием «Из рукописей А. Н. Шмидт. С письмами к ней Вл. Соловьёва» [Шмидт 1916] были собраны все записи, которые возможно было расшифровать; предварялась она анонимным «Предисловием», авторами которого были составители и издатели Булгаков с Флоренским. Заметим, что описываемые в «Предисловии» сведения обладают наибольшей достоверностью, поскольку в них были учтены живые воспоминания тех, кто знал Анну Николаевну Шмидт при жизни. Издатели сохранили анонимность и в том, что издание состоялось за счёт их личных средств.

Книга не осталась незамеченной. Философ Николай Бердяев отозвался на неё рецензией под названием «Повесть о небесном роде: Из рукописей А. Н. Шмидт» [Бердяев 2004] – надо сказать, весьма положительной. О концепции Третьего Завета он написал, как о событии, которое ставит

её автора – Анну Шмидт – в ряд классиков мистической литературы. При этом он подчёркивал, что её тип мистики, с одной стороны, – «гностический, познавательный, близкий Бёме»; с другой стороны, мистика Шмидт – «своеобразно русская, конкретная, апокалиптическая» – позволяет говорить о ней как о совершенно уникальной, единственной женщине-мистике такого уровня. Казалось бы, в её жизни и облике нет «ничего необыкновенного, пророческого, визионерского»; но для Бердяева величайшее «свидетельство в пользу подлинности» Анны Николаевны Шмидт заключается в том, что «она таила в себе свои откровения, не искала славы этого мира, не хотела образовать секты, не искала последователей, осталась скромной и неизвестной миру. И это велико в ней» [Бердяев 2004, 146].

Велико в ней и то, что с женским бесстрашием она позволила себе публично размышлять о «последних» вопросах христианского сознания. Не потому, что подвергала сомнению истинность догматов, и не потому, что ослабла её любовь к православию. Напротив. Пережив свой мистический опыт, ощутив себя в единстве с небесным «Возлюбленным», она весьма дерзко обращает к Церкви вопросы о новом догматическом творчестве, которое может и должно родиться в глубине церковного самосознания. Говоря словами Сергия Булгакова, «решающее слово пусть произнесёт здесь сама жизнь, сама церковная действительность» [Булгаков 1996, 57], насколько по силам ей отвечать на эти задачи дня. А история «небесного романа» Анны Шмидт в реальной жизни воплотилась лишь в мимолётной встрече с Вл. Соловьёвым. И, пожалуй, сама фигура его видится мимолётной...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аккерман 2005 – Аккерман Г. Загадка Анны Шмидт // *Континент*. 2005. № 123 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/continent/2005/123/zagadka-anny-shmidt.html> (дата обращения: 20.04.2020).
- Бекетова 1927 – Бекетова М. А. Примечания // Письма Александра Блока к родным. Ленинград, 1927. С. 301–359.
- Белый 1990 – Белый А. Начало века / Подг. текста, комм. А. Лаврова. Москва, 1990.
- Белый 2019 – Белый А. Воспоминания о Блоке. Москва, 2019.
- Бердяев 2004 – Бердяев Н. А. Повесть о небесном роде: Из рукописей А. Н. Шмидт // Бердяев Н. А. Мутные лики. Москва, 2004. С. 140–146.
- Блок 1904 а – Блок А. А. Письмо Андрею Белому, 16 мая 1904 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blok.lit-info.ru/blok/letter/letter-54.htm> (дата обращения: 17.04.2020).
- Блок 1904 б – Блок А. А. Письмо Г. Чулкову, 15 июня 1904 г. Прим. Г. Чулкова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blok.lit-info.ru/blok/letter/letter-468.htm> (дата обращения: 17.04.2020).
- Блок 1905 – Блок А. А. Шуточные программы журналов. «Новый путь», 1905. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blok.lit-info.ru/blok/chernovik/shutochnye-programmy-zhurnalov.htm> (дата обращения: 17.04.2020).
- Булгаков 1996 – Булгаков С. Н. Владимир Соловьёв и Анна Шмидт // Булгаков С. Н. Тихие думы. Москва, 1996. С. 51–82.

- Булгаков, Флоренский 1995 – Булгаков С., Флоренский П. Анна Николаевна Шмидт (1851–1905). Предисловие к книге «Из рукописей А. Н. Шмидт» // Флоренский П. Сочинения. Том 2. Москва, 1995. С. 708–724.
- Горький 1973 – Горький М. А. Н. Шмит // Горький М. Полное собрание сочинений. Том 17. Москва, 1973. С. 45–57.
- Данзас 1998 – Данзас Ю. Гностические реминисценции в современной русской религиозной философии // Символ. 1998. № 39. С. 121–149.
- Козырев 2000 – Козырев А. П. Нижегородская сивилла // История философии. 2000. № 6. С. 62–80.
- Соловьёв 1923 – Соловьёв Вл. Письма. Том IV / Под ред. Э. Л. Радлова. Петербург, 1923.
- Соловьёв 1997 – Соловьёв С. М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция. Москва, 1997.
- Тимшевский 1904 – Тимшевский А. О будущем // Новый путь. 1904. Июнь. С. 187–199.
- Чешихин 1915 – Люди Нижегородского Поволжья. Выпуск I: Краткий словарь писателей-нижегородцев / Под ред. В. Е. Чешихина. Нижний Новгород, 1915.
- Шмидт 1916 – Шмидт А. Н. Из рукописей: О Будущности. Третий Завет. Из дневника. Письма / Ред., предисл. свящ. П. Флоренского, С. Н. Булгакова. Москва, 1916.
- Шмидт 1993 – Шмидт А. Н. Третий Завет. Санкт-Петербург, 1993.
- Флоренский 1914 – Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Москва, 1914.
- Флоренский 1995 – Флоренский П. А. По поводу «Сочинений» А. Н. Шмидт // Флоренский П. А. Сочинения. В 4-х томах. Том 2. Москва, 1995. С. 725–734.
- Danzas 1936 – Danzas J. Les réminiscences gnostiques dans la philosophie religieuse russe moderne // Revue des Sciences Philosophiques et Theologiques. 1936. T. XXV. P. 658–685.

REFERENCES

- Ackermann 2005 – Ackermann G. The Enigma of Anna Schmidt. *Continent*. 2005. 123. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2005/123/zagadka-anny-shmidt.html>. In Russian.
- Beketova 1927 – Beketova M. A. Notes. *Letters from Alexander Blok to His Family*. Leningrad, 1927. P. 301–359. In Russian.
- Bely 1990 – Bely A. The Beginning of the Century. Ed. by A. Lavrov. Moscow, 1990. In Russian.
- Bely 2019 – Bely A. *Memories of the Block*. Moscow, 2019. In Russian.
- Berdyaev 2004 – Berdyaev N. A. A Tale of a Heavenly Clan: From Manuscripts by A. N. Schmidt. *Berdyaev N. A. Muddy Faces*. Moscow, 2004. P. 140–146. In Russian.
- Blok 1904 a – Blok A. A. Letter to Andrei Bely. May 16, 1904. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/letter/letter-54.htm>. In Russian.
- Blok 1904 b – Blok A. A. Letter to G. Chulkov with Notes by G. Chulkov. June 15, 1904. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/letter/letter-468.htm>. In Russian.
- Blok 1905 – Blok A. A. Facetious Journal Programs. “*Novy Put*” [*New Way*], 1905. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/chernovik/shutochnye-programmy-zhurnalov.htm>. In Russian.
- Bulgakov 1996 – Bulgakov S. N. Vladimir Solovyov and Anna Schmidt. *Bulgakov S. N. Quiet Thoughts*. Moscow, 1996. P. 51–82. In Russian.
- Bulgakov, Florensky 1995 – Bulgakov S., Florensky P. Anna Nikolaevna Schmidt (1851–1905). Preface to the Book “From the Manuscripts of A. N. Schmidt”. *Florensky P. Works*. Vol. 2. Moscow, 1995. P. 708–724. In Russian.

- Cheshikhin 1915 – People of the Nizhny Novgorod Volga Region. Issue I: A Brief Dictionary of Nizhny Novgorod Writers. Ed. by V. E. Cheshikhin. Nizhny Novgorod, 1915. In Russian.
- Danzas 1936 – Danzas J. Les réminiscences gnostiques dans la philosophie religieuse russe moderne. *Revue des Sciences Philosophiques et Théologiques*. 1936. T. XXV. P. 658–685.
- Danzas 1998 – Danzas J. Gnostic Reminiscences in Modern Russian Religious Philosophy. *Symbol*. 1998. 39. P. 121–149. In Russian.
- Florensky 1914 – Florensky P. A. The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters. Moscow, 1914. In Russian.
- Florensky 1995 – Florensky P. A. Regarding the “Works” by A. N. Schmidt. *Florensky P. A. Works*. Vol. 2. Moscow, 1995. P. 725–734. In Russian.
- Gorky 1973 – Gorky M. A. N. Schmidt. *Gorky M. Complete Works*. Vol. 17. Moscow, 1973. P. 45–57. In Russian.
- Kozyrev 2000 – Kozyrev A. P. Nizhny Novgorod Sibyl. *History of Philosophy*. 2000. 6. P. 62–80. In Russian.
- Schmidt 1916 – Schmidt A. N. From Manuscripts: About the Future. Third Testament. From the Diary. Letters. Ed. by P. Florensky, S. N. Bulgakov. Moscow, 1916. In Russian.
- Schmidt 1993 – Schmidt A. N. Third Testament. St. Petersburg, 1993. In Russian.
- Solovyov 1923 – Solovyov V. Letters. Vol. IV. Ed. by E. L. Radlov. Petersburg, 1923. In Russian.
- Solovyov 1997 – Solovyov S. M. Vladimir Solovyov: Life and Creative Evolution. Moscow, 1997. In Russian.
- Timshevsky 1904 – Timshevsky A. About the Future. “*Novy Put*” [New Way]. 1904. June. P. 187–199. In Russian.

*Материал поступил в редакцию 18.04.2020,
принят к публикации 21.05.2020*

Для цитирования:

Орлова Н. Х. Пересечение видений Анны Шмидт и Владимира Соловьева: софийная одарённость или «ерундословие старухи» // Визуальная теология. 2020. № 1. С. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-1-125-137>.

For citation:

Orlova N. Kh. The Intersection of Visions of Anna Schmidt and Vladimir Solovyov: Sophia Giftedness or «Old Woman’s Nonsense». *Journal of Visual Theology*. 2020. 1. P. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-1-125-137>.